

военно-политических условиях провести образцовую стратегическую оборонительную операцию, закончившуюся полной победой над сильным и опасным противником.

Д. Н. АЛЫПИЧ

ЗАПИСКИ ГЕНРИХА ШТАДЕНА О МОСКВЕ ИВАНА ГРОЗНОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Значение названных записок для изучения эпохи Грозного, и прежде всего истории опричнины, казалось бы, не нуждается в обсуждении. Запесенный судьбой в Московию, вестфалец Генрих Штаден нарисовал исключительно яркие картины русской жизни XVI в., описал Кремль и опричный двор царя, рассказал как очевидец о важнейших исторических событиях, например о сожжении Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г. и о победоносной для русских битве с татарами при Молодях. Штаден общался с многими виднейшими деятелями государства — с главой посольского приказа И. М. Висковатым, с первым земским боярином И. П. Челядниным, с опричным градоначальником Москвы Григорием Грязновым, со знаменитыми воеводами М. И. Воротыньским и Д. И. Хворостининым, с самим царем Иваном Васильевичем и с многими другими.

Особый, можно сказать, преимущественный интерес исследователей всегда вызывали свидетельства Штадена о его службе в опричнине. И это вполне понятно: арсенал источников об опричнине, которым располагает историческая наука, вообще крайне скуден. Что же касается современных ей свидетельств, исходящих к тому же не из враждебной опричнине среды, а «изнутри» опричнины, от лиц, в ней служивших, — их количество и вовсе ни-

Я. С. Лурье относит победу на Угре к числу событий, «совершающихся не в виде волевого акта отдельных лиц, а вследствие постепенных и глубоких изменений» (Лурье Я. С. Конец золотоордынского ига..., с. 66—67). С этим, однако, трудно согласиться. Едва ли обоснованно противопоставление таких исторических событий, «в которых ярко проявилась роль отдельных личностей», таким, которые «представляются столь же неотвратимыми, как явления природы» (там же, с. 67—68). И в тех и в других случаях законы исторического развития равно обязательны и неотвратимы. И в тех и в других случаях эти законы реализуются в действиях людей — участников исторического процесса. На Куликовом поле и при Полтаве «деяния простых людей и человеческих масс» (там же, с. 69) играют не меньшую и не большую роль, чем в многодневных боях на Угре и в преследовании армии Наполеона. Не меньшую и не большую роль в тех и других случаях играет и руководство этими «деяниями» и «массами» — войска состоят не только из солдат («простых людей»), но и из полководцев. Одинаково нежелательно как преувеличение «решающей роли каких-либо царей, героев или злодеев» (там же, с. 67), так и недооценка значения военно-политического руководства и конкретных лиц, его осуществляющих.

чтожно. К тому же записки Штадена являются единственным современным событиям источником, содержащим прямое утверждение, что опричнина была отменена в 1572 г. По его словам, бог послал на опричнину давно ожидавшуюся земскими «кару, которая приключилась через посредство крымского царя Девлет-Гирея. С этим и пришел опричнине конец, и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским вотчины. И все земские получили свои вотчины». Из этого сообщения Штадена исследователи и делают заключение, что царем был издан указ об отмене опричнины, содержащий ряд конкретных пунктов, в том числе предписывающий опричникам вернуть всем земским отнятые у них земли.

Не приходится удивляться тому, что историки широко используют записки Штадена. К сожалению, его сочинения до сих пор не были подвергнуты источниковедческому анализу, несмотря на то что в своих общих оценках ученые постоянно отмечали ряд весьма сомнительных достоинств этого источника. И. И. Полосин охарактеризовал Записки Штадена как «повесть душегубства, разбоя, татбы с поличным», написанную с «неподражаемым цинизмом».¹

«Бессвязный рассказ едва грамотного, необразованного и некультурного авантюриста Штадена», в котором «много хвастовства и лжи»,² — так характеризует этот источник С. Б. Веселовский. «Общим смыслом событий и мотивами царя Штаден не интересуется, — продолжает исследователь, — да и по собственной необразованности он не был способен их понять... По низменности своей натуры Штаден меряет все на свой аршин».³

Тем не менее, при таких резких оценках источника, его важнейшее сообщение об отмене опричнины было воспринято с полным доверием.

Записки Штадена стали достоянием русской и советской историографии в 1925 г. Издатель Записок Штадена И. И. Полосин изложил обстоятельства их появления.⁴ К сожалению, эти обстоятельства никем из исследователей, в том числе самим И. И. Полосиным, не были учтены при оценке сочинений Штадена как исторического источника. Между тем сравнительное изучение различных произведений Штадена, написанных при различных обстоятельствах, ставит ряд вопросов, без ответа на которые Записки Штадена в качестве источника использовать не следует. Вопросы эти таковы: все ли четыре произведения, составившие сборник Записок Штадена, написаны им лично? что в сочинениях

¹ Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника / Пер. и вступ. статья И. И. Полосина. М., 1925, с. 47.

² Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 56—57.

³ Веселовский С. Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. — История СССР, 1946, № 1, с. 99.

⁴ См.: Штаден Генрих. О Москве..., с. 5—6.

Штадена является воспоминаниями очевидца, а что — записью явных легенд и слухов?

Внимательное прочтение сочинений, названных издателем (а отнюдь не самим автором) «Записки немца-опричника», заставляет поставить и такой вопрос: а был ли Штаден опричником? Не следует ли его заявление об этом занести в список его явных выдумок?

Генрих Штаден составлял свои записки о Московии в 1577 — 1578 гг. в эльзасском имении Люцельштейн в Вогезах, принадлежавшем пфальцграфу фельденцкому Георгу Гансу.⁵ Пфальцграф Георг Ганс — известный политический авантюрист — был в то время охвачен идеей оккупации Русского государства. Немало энергии затратил Георг Ганс на сколачивание коалиции против Руси, стараясь втянуть в нее Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию и Священную Римскую империю. Георг Ганс добивался у императора и на заседаниях рейхстага ассигнований для создания могучего флота на Балтике и похода в северные моря с целью нападения на русские владения. Себя Георг Ганс предлагал в великие адмиралы будущей армады.

Мелкий авантюрист Генрих Штаден, вернувшийся из России в 1576 г., попался на глаза авантюристу большого размаха как нельзя более кстати. Живой свидетель «развала» русского государства — а именно так хотел представить состояние дел в России Георг Ганс, чтобы легче уговорить своих союзников на войну против нее, — «знаток» русской военной системы и укреплений русских городов, «знаток» русских нравов, Генрих Штаден должен был авторитетом очевидца поддержать планы воинственного пфальцграфа.

У Георга Ганса в замке Люцельштейн по его указанию и, скорее всего, при его участии Штаден создает первую часть своих Записок. Она состоит из двух сочинений: Проект завоевания Руси и Описание страны и правления московитов. Затем Георг Ганс включает Штадена в качестве эксперта по русским делам в посольства, отправлявшиеся им в Швецию, Польшу и Ливонию.⁶ Одно из таких посольств было отправлено к императору Рудольфу II. Штаден, как пишет И. И. Полосин, заинтересовал императора «и своей автобиографией, и рассказами о московитах».⁷ По предложению императора Штаден, находясь при его дворе, пишет историю своих походов, как называет ее И. И. Полосин, — Автобиографию.

Итак, рукопись, содержащая сочинения Генриха Штадена, состоит из четырех частей: 1) Описание страны и правления московитов; 2) Проект военной оккупации Москвы; 3) Прошение Штадена на имя императора Рудольфа; 4) Автобиография Ген-

⁵ Там же, с. 35.

⁶ Там же, с. 30—37.

⁷ Там же, с. 50.

риха Штадена.⁸ Произведения эти далеко не однородны. Так, в частности, Проект оккупации Москвы резко отличается от других частей рукописи. В нем содержатся такие глобальные политические рассуждения, которых в других частях не сыщешь. Проект озаглавлен сравнительно скромно: «План, как предупредить желание крымского царя, с помощью и поддержкой султана, нагаев и князя Михаила из Черкесской земли,⁹ захватить Русскую землю, великого князя вместе с двумя сыновьями увести в Крым и захватить великую казну».¹⁰ Однако далее следуют такие предложения императору: «Ваше римско-кесарское величество должны назначить одного из братьев вашего... величества в качестве государя, который взял бы эту страну (т. е. Россию, — Д. А.) и управлял бы ею».¹¹ Итак, предлог — спасти Русь от покорения ее ханом, суть — захватить ее. «Монастыри и церкви должны быть закрыты, — советует далее автор Проекта. — Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей».¹² Он развивает последовательный план захвата и оккупации русских городов при движении на Москву с севера.

«Отправляйся дальше и грабь Александрову Слободу, — советует автор, — заняв ее отрядом в 2000 человек... За ней грабь Троицкий монастырь».¹³ Затем, по его мнению, надо окружить Москву. «И Москва может быть взята без единого выстрела».¹⁴ Что касается великого князя, т. е. царя Ивана, то его «вместе с сыновьями, связанных как пленников, необходимо увести в христианскую землю».¹⁵

Автор плана этой грандиозной политической авантюры, рисуя себе картину легкого успеха, все больше и больше распаляется: «Затем через окрестные страны можно будет пройти до Америки и проникнуть внутрь ее. И, наконец, с помощью персидского шаха можно будет совсем легко справиться с турецким султаном».¹⁶

Безудержное хвастовство и авантюрные наклонности автора видны и в других сочинениях Штадена. Но масштабы и сам характер штаденковского хвастовства в них совершенно иные. Штаден пишет там о себе. Он хвастает личными «подвигами»: своими грабежами, изнасилованиями, мелкими аферами и, наконец, своим невероятным личным героизмом на поле боя. Всегда и всюду он ищет только наживы. Глобальные политические планы ему совершенно чужды.

⁸ Там же, с. 6. При издании произведений Штадена на русском языке И. И. Полосин расположил их в другом порядке: Прошение..., Проект..., Описание страны..., Автобиография (см. там же, с. 6).

⁹ И. И. Полосин указывает на то, что к моменту написания Штаденом его Записок князь Михаил Черкасский был давно казнен (там же, с. 60 и примеч. 1).

¹⁰ Там же, с. 60.

¹¹ Там же, с. 69.

¹² Там же, с. 71.

¹³ Там же, с. 72.

¹⁴ Там же, с. 73.

¹⁵ Там же, с. 74.

¹⁶ Там же, с. 77.

В отличие от автора Проекта Штаден в «Описании страны и правления московитов», которое, безусловно, принадлежит лично ему — человеку, действительно много лет прожившему в Московской Руси, весьма далек от мысли, что Московское государство так легко и просто завоевать. Им написаны там поразительно точные и вместе с тем искренние, от внутреннего убеждения идущие слова: «Хотя всемогущий бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе — одна вера, один вес, одна мера! Только он один правит! Все, что ни прикажет он, — все исполняется, и все, что запретит, — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне. И как долго продержится это правление — ведомо богу-вседержителю».¹⁷

Создается впечатление, что Проект завоевания и оккупации Московского государства написан Штаденом не самостоятельно, а при активном соавторстве Георга Ганса, внушившего ему свои геополитические идеи. Задача произведений, составленных в Люцельштейне, была в том, чтобы убедить европейских государей вступить в антимосковскую коалицию. Какие-либо субъективные моменты вроде описания личных подвигов и походов Штадена были из них полностью исключены. Об этом свидетельствует и сама форма этих сочинений. Хотя Проект и написан от первого лица, местоимение «я» встречается в нем всего два или три раза в деловом контексте («я полагаю» и т. п.). В обширном «Описании страны и правления московитов» (48 страниц печатного текста) «я» не присутствует ни одного раза. Оба эти произведения отличаются от двух других — Автобиографии Штадена и Прошения на имя императора — по весьма важному признаку. Ни в «Описании...», ни в Проекте нет ни единого слова о службе Штадена в опричнине. И это несмотря на то, что упоминание опричнины в Проекте есть, а в «Описании...» ей посвящено очень много места. Грабежи и зверства опричников в «Описании...» даются Штаденом с позиции стороннего наблюдателя, не имеющего ко всем этим ужасам никакого отношения.

Росказни о своей близости к Ивану Грозному, о том, как царь произвел его в «рыцарское достоинство» и соответственно о службе при царской особе, а значит и в опричнине, возникли у Штадена (вернее, понадобились ему) только на втором этапе его «литературного» творчества, когда он оказался при дворе императора Рудольфа II. Понятны и мотивы, побудившие Штадена заговорить на эти темы: желание «по-рыцарски... служить» его «римско-кесарскому величеству»,¹⁸ т. е. получить при дворе императора высокую должность и титул. Пребывание в числе «князей и бояр» на службе иностранному государю вело в те времена к возведению в соответствующее достоинство если не механи-

¹⁷ Там же, с. 113.

¹⁸ Там же, с. 59.

чески, то наиболее прямым и простым путем.¹⁹ Ради этого предприимчивый авантюрист, обретавшийся на Руси в качестве торговца и шинкаря как иноземец на русской службе, получивший небольшое поместье, и возвел себя в ранг русских «князей» и «опричников».

При дворе Рудольфа II Штаден находился без присмотра образованного и искушенного в дипломатии Георга Ганса. Соответственно написанное им здесь произведение — Автобиография — обнаруживает его собственный вкус, характер и уровень его мышления.

Вместе с Автобиографией Штаден подал императору свои предыдущие сочинения — Проект оккупации Руси и «Описание страны и правления московитов». Сборнику было предпослано Прощение на имя императора,²⁰ являющееся предисловием, кратким пересказом всех последующих частей.

В сочинениях Генриха Штадена можно отчетливо различить два типа известий: 1) рассказы о событиях, свидетелем и участником которых он был сам лично; 2) пересказы всевозможных легенд и слухов, ходивших в среде, окружавшей его во время пребывания на Руси. Некоторые из запомнившихся ему слухов отражали действительные факты. К их числу следует, например, отнести рассказ о том, как гетман Полубенский с помощью изменников Тетерина и Сарыхозина, назвавшихся опричниками, обманом занял город Изборск.²¹

Из записок Штадена с полной отчетливостью выясняется, что с самого начала и до конца своего пребывания в стране московитов он находился в земщине. В первых сочинениях — в Проекте оккупации Руси и в «Описании...» — он сам так и пишет. А в Автобиографии, где Штаден несколько раз заявляет, будто был опричником, он то и дело проговаривается, выдавая благодаря многим объективным деталям истину, состоящую в том, что он постоянно жил в земщине.

Вскоре после прибытия на Русь Штаден, как и было принято среди иноземцев, завел в земщине корчму.²² Его торговля вином по каким-то причинам вызвала недовольство среди жителей соседних, якобы опричных улиц: «Простолюдины из опричнины жаловались на меня на земском дворе, что я устроил у себя корчму».²³

Несколькими строками выше Штаден между делом обмолвился, что у него уже был в то время двор в опричнине.²⁴ Но если он уже был опричником, то как мог он торговать вином в земщине? Не кто иной, как сам Штаден, уверяет, будто за об-

¹⁹ «Итак, я делал большую карьеру, великий князь знал меня, а я его» (там же, с. 131).

²⁰ Там же, с. 57—59.

²¹ Там же, с. 94.

²² Там же, с. 131—132.

²³ Там же, с. 136.

²⁴ Там же, с. 133.

щение опричников с земскими и тех и других подвергали жестокой расправе.²⁵ Во-вторых, как могли «простолюдины из опричнины», т. е. простые посадские жители и крестьяне, жаловаться на царского слугу-опричника? В-третьих, почему опричные жалуются на опричника на земском дворе? Чем им вообще мешает корчма, открытая в земщине, т. е. в другой части города? Вполне очевидно, что опричина здесь, как и на других страницах данного сочинения, названа Штаденем для красного словца. На деле же речь идет о жалобе жителей посада — «простолюдинов» в земский двор на обосновавшегося у них мошенника-шинкаря. Это заключение подтверждается дальнейшим сообщением Штадена.

«На земском дворе начальником и судьей был тогда Григорий Грязной».²⁶ Свидетельство само по себе исключительно интересное. Оно говорит о том, что административного отделения земщины от опричнины не было с самого начала, и о том, что не только после 1572 г. «бывшие» опричники оказались в руководстве земскими учреждениями, но что такое положение существовало изначально.

Штаден заявляет, что Григорию Грязному он «полюбился точно сын родной, как он говаривал. Вот что делали деньги, перстни, жемчуг и т. п.».²⁷ Как утверждает Штаден, Грязной «сказал всему миру: „Двор этот принадлежит немцу. Он иноземец и нет у него друзей-покровителей“».²⁸ Если это так, то Грязной этими словами засвидетельствовал «всему миру», что Штаден, заявляющий, будто был в тот момент опричником, в действительности им не был. Об опричнике, обласканном царем, не скажешь, что нет у него «друзей-покровителей», тем более что, как уверяет сам Штаден, царь прислал в земщину указ, надежно ограждающий интересы опричников: «Судите праведно, наши виноваты не были бы».²⁹ «Так все и осталось», — пишет тут же Штаден. И продолжает: «В земщине был у меня еще один двор».³⁰

Далее Штаден рассказывает: «Когда великий князь дал нам (иноземцам, — Д. А.) поместья, занимался наделением земель Иван Висковатый».³¹ Все это вполне точно. Благоустройством иноземцев занимался глава Посольского приказа известный деятель земщины И. М. Висковатый. Однако не было и не могло быть того, чтобы Висковатый наделял земель опричника.

Тут же Штаден пишет: «Так как я постоянно бывал у первого боярина Ивана Петровича Челяднина... то этот боярин... приказал дать мне то поместье, о котором я и бил челом».³² И. П. Челяднин мог распоряжаться только земскими делами, и раздавать опричникам поместья не мог ни в опричнине, ни тем более в земщине.

²⁵ Там же, с. 93 и 132.

²⁶ Там же, с. 136.

²⁷ Там же, с. 136.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 86.

³⁰ Там же, с. 136.

³¹ Там же, с. 136—137.

³² Там же, с. 37.

Итак, у Штадена в земщине два двора, корчма и поместье. Дела его решают на земском дворе. Он пользуется покровительством руководителей земщины, постоянно с ними общается, а опричника Грязного (управляющего земскими делами) вынужден подкупать, как, надо полагать, поступали многие земские.

В своих ранних сочинениях, в которых Штаден еще не представляет себя опричником, он постоянно говорит об опричниках с возмущением: «Великое горе сотворили они по всей земле! И многие из них были тайно убиты»;³³ они «обшарили всю страну», «сами составляли себе наказы» на ограбление земских;³⁴ «по своей прихоти и воле... истязали всю русскую земщину», «не могли насытиться добром и деньгами земских».³⁵ Здесь Штаден ни разу не ассоциировал себя с опричниной.

Штаден дважды и совершенно по-разному изображает свое участие в битве при Молодях с ордами Девлет-Гирея в 1572 г. В своих первоначальных сочинениях он определенно говорит, что находился в земском войске, под командой воеводы М. И. Воротынского. «Мы», «нас», «нам» — то и дело повторяет он, вписывая себя в число подчиненных земского воеводы.³⁶ Ни опричнина, ни опричный воевода Д. И. Хворостинин в этом рассказе даже не упоминаются. Нет здесь речи и о том, что сам Штаден имел какое-либо отношение к полкам «из опричнины».

Итак, Штаден во всех сочинениях, включая Автобиографию, где прямо, где косвенно, но достаточно определенно говорит о своей жизни в земщине. Рассказывая о «земской» жизни Москвы, он сообщает множество безусловно верных и точных деталей. Большинство из них находит подтверждение в русских источниках и в сочинениях других иностранцев:

Как только Штаден заговаривает об опричнине, а тем более о своей службе в ее рядах, он погружается в бездну откровенной лжи и непримиримых противоречий.

По словам Штадена, опричнина была учреждена до бегства Курбского. Он утверждает, что Курбский потому и бежал, что ему не понравилось установление царем опричного порядка.³⁷

«До того как великий князь устроил опричнину, — пишет далее Штаден, — Москва с ее Кремлем и слободами была устроена так». Идет описание доопричной Москвы и Кремля — доопричной резиденции великого князя. Тут же, однако, говорится: «На этой площади (на Красной, — Д. А.) умерщвляли и убивали господ из земщины. Тогда вся площадь... бывала окружена и занята опричными стрелками».³⁸ Выходит, по Штадену, что опричнина

³³ Там же, с. 87.

³⁴ Там же, с. 95.

³⁵ Там же, с. 96.

³⁶ Там же, с. 137.

³⁷ «Как только понял этот штуку с опричниной, пристроил он свою жепу и детей, а сам отъехал к королю польскому Сигизмунду-Августу» (там же, с. 87).

³⁸ Там же, с. 101—103.

и земщина, опричный террор и опричные стрелки существовали до учреждения опричнины. Дальше — больше. Не успел великий князь устроить опричнину и начать выселение всех неопричных с опричных земель, сообщает Штаден, как «тогда же подоспели великий голод и чума».³⁹ В действительности между началом опричнины и временем «великого голода» и чумы прошло пять-шесть лет.

Интересно, что в «Описании...» Штаден совершенно правильно относит чуму и голод, постигшие Русь, к началу 1570-х годов.⁴⁰ Это значит, что, сочиняя о своей опричной службе, он сознательно, вопреки фактам, писал то, что ему в этот момент было нужно.

Тогда же, по утверждению Штадена, т. е. сразу же после учреждения опричнины, царь, вернувшись в Москву, убил первого боярина И. П. Челяднина.⁴¹ Таким образом, И. П. Челяднин погиб, по Штадену, беспричинно. Штаден знает о заговоре 1568 г., раскрытом царю Владимиром Андреевичем, явно понаслышке. Но о том, что И. П. Челяднин погиб в 1568 г. по обвинению в руководстве этим заговором, Штадену, очевидно, неизвестно. Кстати сказать, даже дату гибели Владимира Андреевича Старицкого, на бывших землях которого Штаден получил поместье, он тоже резко сместил. По Штадену, Владимир Андреевич был убит после возвращения царя из похода на Новгород, т. е. в 1570 г.⁴² В действительности Владимир Андреевич погиб до Новгородского похода, в октябре 1569 г. Неправдоподобно и то, что царский приближенный Штаден получил поместье в уделе Владимира Андреевича Старицкого еще до того, как Старицкий удел перешел в январе—марте 1566 г. «по обмену» в царское владение.⁴³

В своей Автобиографии, где Штаден впервые заявил, что он и сам был опричником, он тем не менее ничего не сообщает хотя бы об одной своей конкретной службе в рядах опричников. Об этом ему сказать, видимо, абсолютно печего. Вместо рассказа о каких-либо службах в царской опричнине он вынужден сообщать, как и почему он от них каждый раз отказывался.

Оставленное Штаденом описание опричного двора весьма конкретно.⁴⁴ Но нельзя не заметить, что это чисто внешнее описание. Штаден видит и описывает опричный двор так же, как он видит и описывает Кремль,⁴⁵ — каким его видели все бывавшие там жители Москвы, в том числе и стоявшие на опричном дворе на правее.⁴⁶

³⁹ Там же, с. 105.

⁴⁰ Там же, с. 91—92.

⁴¹ Там же, с. 91.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 125.

⁴⁴ Там же, с. 125.

⁴⁵ Там же, с. 100—105.

⁴⁶ Там же, с. 108.

Сам Штаден весьма точно озаглавил свое описание московской резиденции царя за Неглинной: «Строения опричного двора».⁴⁷ Строения! У Штадена нет ни слова о том, как выглядят внутренние покои опричного дворца. Если бы он их видел, то, надо полагать, не преминул бы описать их убранство или, скажем, царский пир.

Об Александровской слободе Штаден не имеет и вовсе никакого представления. В Проекте оккупации Московии он говорит лишь о том, из чего сделана стена, окружающая слободу, сообщает о том, что в слободе хранятся деньги и добро, «что награбил великий князь по городам».⁴⁸

Новгородский погром, так же как и историю с псковским «Микулой», Штаден опять-таки описывает понаслышке. Он уверяет, будто ему пришлось не по душе то, что награбленное в Новгороде имущество не было разделено по справедливости между опричниками. Тогда он «решил больше за великим князем не ездить».⁴⁹ Это заявление Штадена само по себе не соответствует реальному положению вещей. Опричники, как сообщают другие источники и тот же Штаден, грабили в свою пользу новгородский посад. С другой стороны, ни о какой раздаче опричникам «по справедливости» церковных и других ценностей, конфискованных в царскую казну, не могло быть и речи ни в виде обещаний до похода, ни в момент новгородского погрома. Налицо очередная выдумка Штадена, склонного изображать опричнину как разбойничью банду.

Штаден и не ходил в составе опричного войска на Новгород. Об этом он весьма ясно проговаривается: «И я был при великом князе с одной лошадейю и двумя слугами. Все города и дороги были заняты заставами, а потому я не мог пройти со своими слугами и лошадейми».⁵⁰ Тут явная несуразица. Одно из двух: либо он «был при великом князе», либо он «не мог пройти», так как все дороги были заняты заставами. Верно второе — не мог пройти к Новгороду, куда он и подобные ему мародеры пытались налететь, как воронье, на свой кровавый клев. Вот подлинная причина, почему, собрав вокруг себя всякий сброд, он «начал собственные походы и повел своих людей назад, внутрь страны, по другой дороге».⁵¹

После своих разбойных походов Штаден якобы появился в Старице, на опричном смотре, который был сделан для того, «чтобы великому князю знать, кто остается при нем и крепко его держится».⁵²

У Штадена получается, что за учиненные им дезертирство и разбой Грозный его возвеличил. Утратив всякую меру, Штаден

⁴⁷ Там же, с. 107.

⁴⁸ Там же, с. 134.

⁴⁹ Там же, с. 67.

⁵⁰ Там же, с. 140.

⁵¹ Там же, с. 144.

⁵² Там же, с. 145.

заявляет, что великий князь на смотре уравнил его в списке и в жаловании с князьями и с боярами — «mit den Knesen und Boiagen». «Тогда, — пишет Штаден, — великий князь и сказал мне: „Отныне ты будешь называться — Андрей Володимирович“. Частица „вич“ означает благородный титул. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это — рыцарство».⁵³

Как видим, Штаден охотно присваивает себе титулы и положения, которыми на самом деле не обладал. Зачислив себя с такой легкостью в бояре, Штаден с тем большей легкостью зачислил себя в опричнину.

На очередную высокую милость царя, если верить, что таковая имела место, Штаден ответил очередным уклонением от службы. Он снова едет в другую сторону, в отличие от тех, «кто остается при великом князе», т. е. опричников: «Великий князь поехал в Александрову слободу... Я же не поехал с ним, а вернулся в Москву».⁵⁴

Уклонился Штаден от своих обязанностей опричника, владельца земли в опричном уезде, и в критический для Руси момент второго нашествия Девлет-Гирея в 1572 г. «Каждый должен был помогать при постройке Гуляй-города соответственно размеру своих поместий, равно как и при постройке укреплений на берегу реки Оки — посаженно. Я не соглашался на это».⁵⁵

Как видим, в государстве Ивана Грозного, где все, что он прикажет, — «все исполняется», где «никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне», один Штаден, находясь на царской службе, и притом в военное время, поступает вопреки приказам и вообще как ему заблагорассудится. Разумеется, не такова была опричная служба в действительности.

Итак, в трех своих сочинениях Штаден вообще не говорит о своей службе в опричнине. В четвертом он старается создать у своих именитых читателей впечатление, что на дворовой службе он получал от царя различные пожалования и титулы. Но при этом даже здесь он усердно доказывает, что никакой практической службы в опричнине не исполнял, за исключением участия в бою с татарами в битве при Молодях в 1572 г. Как ни странно, это именно так. Если в «Описании страны и правления московитов» Штаден утверждал, что участвовал в этом бою в составе земского войска,⁵⁶ то позднее, в Автобиографии, он «зачислил» себя в опричный полк, которым командовал знаменитый опричный воевода Д. И. Хворостинин.⁵⁷ Штаден, по его словам, находился в дозоре против татар в обороне на Оке. Под командованием у него было триста опричников. (Заметим в скобках: если бы это было так — Штаден был бы включен в разрядную роспись. Но его имя в разрядах ни разу не фигурирует). «Я дол-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 145.

⁵⁵ Там же, с. 151.

⁵⁶ Там же, с. 111.

⁵⁷ Там же, с. 151.

жен был дозировать на реке, где переправится царь (Девлет-Гирей, — Д. А.)... и увидел, что несколько тысяч всадников крымского царя были уже по сю сторону реки. Я двинулся на них с тремя сотнями... Все три сотни были побиты на смерть... И я один остался в живых».⁵⁸ Поскольку Генрих Штаден жил и «творил» за 200 лет до своего знаменитого соотечественника, именно его следует считать основоположником жанра, в котором столь преуспел вслед за ним барон Мюнхаузен. Большая часть исследователей справедливо оценивает этот «бесхитростный рассказ»⁵⁹ Штадена, как хвастливое сочинительство, не заслуживающее серьезного доверия.⁶⁰

Предельно критического отношения заслуживают заявления Штадена об отмене опричнины.

«По своей прихоти и воле, — пишет Штаден в «Описании...», — опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил: „Довольно!“».⁶¹ По словам Штадена, великий князь приказал опричникам выплатить земским все, что они с них взяли, сполна.⁶² «Это решение пришлось не по вкусу опричникам. Тогда великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины».⁶³ Таково, по Штадену, начало разгрома опричнины. При этом Штаден четко указывает время, когда опричина, как говорили в те времена, была земщине «выдана головой». Это произошло, по Штадену, до сожжения Москвы Девлет-Гиреем, т. е. до мая 1571 г. «Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке».⁶⁴

Этим же временем, до пожара, Штаден датирует разгром опричнины еще раз, уже в другом своем произведении — в Автобиографии. По его словам, после новгородского похода «все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый знал про себя, за что именно».⁶⁵ В этот момент, по словам Штадена, «в стране еще свирепствовала чума».⁶⁶ Да-

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Бахрушин С. В. Предисловие. — В кн.: Штаден Генрих. О Москве..., с. 5.

⁶⁰ «Рассказ немецкого авантюриста, — справедливо замечает Р. Г. Скрынников, — при ближайшем рассмотрении оказывается сплошным хвастовством» (см.: Скрынников Р. Г. Опричный террор. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1969, т. 374, с. 170, примеч. 3). К сожалению, исследователь не распространяет свое столь критическое отношение к рассказам Штадена на свидетельства последнего об отмене опричнины (см.: там же, с. 182, примеч. 1).

⁶¹ Штаден Генрих. О Москве..., с. 96.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, с. 96—97.

⁶⁴ Там же, с. 97.

⁶⁵ Там же, с. 145.

⁶⁶ Там же.

лее он сообщает: «Когда я пришел на опричный двор, все дела стояли без движения, начальные бояре косо (saug лучше перевести «кисло», — Д. А.) посмотрели на меня и спросили: „Зачем ты сюда пришел? Уж не мрут ли на твоём дворе?“ — „Нет, слава богу!“, — ответил я».⁶⁷ Штаден здесь противоречит себе: либо опричные «князья и бояре были прогнаны» из соответствующих опричных учреждений — «дворов», либо продолжали в них сидеть. Последнее представляется более правдоподобным. Картина опричного двора, парализованного чумой, и сам диалог Штадена с «начальными боярами», боявшимися, как бы он не «нанес» на них страшную болезнь, весьма натуральны, но ликвидация опричнины здесь ни при чем. Как бы то ни было, и этот «разгон» опричных датирован Штаденом кануном московского пожара.

Вместе с тем, описывая опричный двор Ивана Грозного, Штаден говорит: «Земские желали, чтобы этот двор сгорел, а великий князь грозился земским, что он устроит им такой пожар, что они не сумеют его потушить».⁶⁸ Царь, иначе говоря, пригрозил сам спалить всю земскую Москву. Где здесь «любовь», проснувшаяся у царя к земщине и его разочарование в опричнине?! Напротив. Здесь говорится: «Великий князь рассчитывал, что и дальше он будет играть с земщиной так же, как начал. Он хотел искоренить неправду правителей и приказных... Он хотел устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов. Земские господа вздумали этому противиться и препятствовать и желали, чтобы двор сгорел и опричнине пришел конец, а великий князь управлял бы по их воле и пожеланиям».⁶⁹

Налицо совершенно другое описание кануна пожара Москвы. Никакого гонения на опричнину. Земщина противостоит царю с его опричниной, а царь хотел поступать «с земщиной так же, как начал». Земским оставалось надеяться, чтобы опричный двор сгорел. Другого конца его они не предвидят. Но «всемогущий бог» вмешался в этот спор двух сил — царя с опричниками, с одной стороны, и земщины — с другой. Бог «послал эту кару» (точнее перевести — «применил это средство» — Mittel). «С этим пришел опричнине конец».⁷⁰

Спрашивается: когда же все-таки «пришел опричнине конец» — «тогда», до пожара Москвы, от которого позднее пострадали земские, оставшиеся в убытке,⁷¹ или «с этим», т. е. после пожара, в котором сгорел опричный двор, в результате чего пострадали опричники? По первому варианту земские не получили ничего из-за того, что все расписки, челобития и судные дела сгорели. По второму — «опричники должны были возратить земским их вотчины. И все земские, кто [только] оставался еще

⁶⁷ Там же, с. 145.

⁶⁸ Там же, с. 110.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, с. 110.

⁷¹ Там же, с. 96.

в живых, получили свои вотчины, ограбленные и опустошенные опричниками».⁷²

Итак, в результате сожжения опричного двора, во всяком случае после этого («с этим»), опричнине вторично пришел конец. Однако даже на страницах записок Штадена, дважды отмечившего ее, опричнина оказывается невероятно живучей.

«На следующий год после того, как была сожжена Москва, опять пришел крымский царь».⁷³ Штаден, как мы помним, служит теперь в той самой опричнине, которой уже год назад «пришел конец», под командой опричного воеводы Д. И. Хворостинина.⁷⁴ «Когда эта игра (т. е. разгром татар летом 1572 г., — Д. А.) была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь долее не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья».⁷⁵ Получается, что опричники должны были теперь вторично вернуть земским их вотчины. В первый раз это произошло после пожара Москвы и опричного двора: «И все земские... получили свои вотчины».⁷⁶ Тогда для этого были свои причины. Теперь земские опять получают назад свои вотчины за то, что победоносно выступили против Девлет-Гирея. Теперь, в отличие от предыдущих заявлений Штадена, опричники остаются опричниками и взамен земель, возвращаемых земщине, получают другие земли. Остаются и отдельные смотренные списки опричников, но Штаден лично из них выбыл. «Причина: все немцы были вписаны вместе в один смотренный список. Немцы предполагали, что я записан в смотренном списке опричных князей и бояр. Князья и бояре думали, что я записан в другом — немецком — смотренном списке. Так при пересмотре меня и забили».⁷⁷

Здесь мы узнаем от Штадена о том, что думали «немцы», и о том, что думали «князья и бояре». При этом никто из них не думал, что опричнина ликвидирована, что исчезли отдельные смотренные списки опричников. Неизвестно только одно — что же думал сам Штаден? Почему он отказался получить новые земли, которые раздавались опричникам взамен утраченных земских и почему отказался оставаться в составе русского рыцарства? Непонятно и то, почему он при возвращении земель бывшим земским владельцам утратил свои земли в Старицком уезде. Бывший Старицкий удел уже несколько лет был и оставался владением царя, его «дворовой» вотчиной, и возвращению в земщину не подлежал. Так или иначе теперь Штаден утверждает, что опричнина сохранялась, несмотря на возвращение земским их вотчин, и только он лично из нее «механически выбыл». Кстати сказать,

⁷² Там же, с. 110.

⁷³ Там же, с. 151.

⁷⁴ Там же, с. 151—152.

⁷⁵ Там же, с. 152.

⁷⁶ Там же, с. 110.

⁷⁷ Там же, с. 152.

в момент написания своих записок, т. е. в 1577—1578 гг., Штаден говорит об опричнине как о действующем в то время в Московии порядке: «Теперь с великим князем ходят новодельные господа, которые должны бы быть холопами тем — прежним».⁷⁸

Таков «корпус» сведений об опричнине, содержащихся в сочинениях Штадена. Рассмотрение его в целом является необходимой предпосылкой для оценки свидетельств Штадена в качестве исторического источника. Изучение его показывает, что Записки Штадена о Московии весьма тенденциозны и, что еще хуже, — обесцениваются немалым числом заведомых измышлений. Явной выдумкой являются появившиеся на последнем этапе его творчества рассказы Штадена о его постоянной близости к царю — т. е. о его службе в опричнине. То, что Штаден не служил в опричнине, да и вообще на какой-либо дворянской службе, доказывается, помимо его саморазоблачений, также и важнейшим объективным фактом. Все без исключения иноземцы, исполнявшие ту или иную царскую службу или встречавшиеся с царем Иваном, бывавшие у него на приемах, помимо личных воспоминаний, оставили следы своей деятельности в русских и иностранных источниках. И только о Штадене и о его службе все источники хранят красноречивое молчание.

На основании сказанного я прихожу к убеждению, что Штаден в опричнине не служил и что заявления Штадена об отмене опричнины не заслуживают ни малейшего доверия. Так или иначе историкам, которые впредь пожелают опереться на свидетельства Штадена об отмене опричнины, следует выбирать между двумя его противоположными утверждениями: опричнине пришел конец — опричнина продолжала существовать. При этом, однако, хочется надеяться, что «пришел конец» цитированию одних утверждений Штадена при умолчании о других, абсолютно их исключающих.

З. В. ДМИТРИЕВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТРОЛОГИИ ВЫТНЫХ КНИГ XVII в.

Достоверность данных и метрология массовых источников являются предметом исследования для многих поколений дореволюционных и советских историков.¹ Можно полностью согла-

⁷⁸ Там же, с. 102.

¹ Кочин Г. Е. Писцовые книги в буржуазной историографии. — В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936, т. II, с. 145—186; Огризко З. А. К вопросу о единицах измерения земельных площадей в XVII в. — Там же, М., 1961, т. IX, с. 258—261; Абрамович Г. В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV—XVI вв. — Там же, 1963, т. XI, с. 364—390; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 41—45; Аграрная исто-